

Глава 18. Дочь семьи Ван (часть вторая)

Прошло ещё семь лет.

За это время в семье Чэнь произошло слишком многое.

Старуха из семьи Чэнь и Чэнь Минъяо скончались один за другим, и Мать Чэня осталась в доме единственной опорой.

Двух её дочерей давно выдали замуж, так что при ней остался только любимый младший сын — Чэнь Гуанцзун.

Наконец, Чэнь Гуанцзуну исполнилось пятнадцать.

Его матушка, не теряя времени, решила устроить их с Ван Сухэ свадьбу.

Но юноша был категорически против.

Он вырос под присмотром Сухэ, с самого детства называл её старшей сестрой. Все сверстники в округе и знакомые на улице Хуайань знали, что у него есть «старшая сестрица».

И именно эта «сестрица» теперь должна была стать его женой.

Чэнь Гуанцзун не просто не хотел этого — он считал подобный брак позором.

Ван Сухэ была на десять лет старше. К тому же она с малых лет обхаживала его, знала все его постыдные секреты и самые нелепые детские проступки.

Как он мог взять такую женщину в жёны?

Он отказался, крупно поспорил с Матерью Чэня и, хлопнув дверью, убежал из дома.

Старуха в гневе выставила за порог и Ван Сухэ. Обливаясь слезами, та отправилась искать беглеца.

Город Лунъянь был небольшим, но она обошла каждый закоулок, и нигде его не нашла.

Уже темнело, и ей пришлось возвращаться. У реки за городом она наткнулась на толпу зевак, собравшихся поглазеть на какое-то зрелище.

Сухэ не собиралась подходить, но вдруг услышала голос Таоцзы.

Растолкав толпу, она протиснулась в первые ряды.

Там она увидела Таоцзы. Связанную верёвками девушку запихнули в большую бамбуковую клетку. Несколько крепких мужчин подняли её и с размаху бросили в реку.

К клетке была привязана толстая верёвка. Мужчины то опускали её в воду, то вытаскивали на поверхность, давая несчастной сделать глоток воздуха.

Одна из стоявших рядом женщин пояснила, что это называется «погружение в свиной клетке» — так в этих краях наказывают распутных женщин.

Таоцзы застали с каким-то молодым человеком из города, и её семья решила вершить самосуд.

Сухэ замерла. Она знала, что Таоцзы не такая, она никогда бы не пошла на бесчестный поступок.

Но что толку? Она бросилась к палачам, пыталась всё объяснить, умоляла их остановиться, но мужчины лишь издевательски хохотали и отталкивали её прочь.

Таоцзы в клетке уже была белой как полотно, она так ослабела от пытки, что не могла даже стоять. Сухэ била крупная дрожь — она до смерти боялась, что подруга не выдержит.

Позже появился Чэнь Гуанцзун и силой утащил Сухэ домой.

Мать Чэня долго бранила её за то, что та позорит семью, отираясь у реки, и запретила ей впредь выходить со двора.

К счастью, Таоцзы в ту ночь выжила.

Но ослепла.

Поговаривали, что это её муж-калека велел лишить её зрения.

Чтобы она больше никогда не смела смотреть на других мужчин.

Сухэ тайком пыталась навестить подругу, но дверь в соседний дом больше никогда ей не открылась.

Возможно, эта история встревожила Мать Чэня. Вскоре после случая с Таоцзы она твёрдо назначила дату свадьбы сына.

Чэнь Гуанцзун снова устроил безобразный скандал, но мать, которая всегда безмерно его баловала, на этот раз была тверда как сталь и не уступила ни на шаг.

Сухэ понимала причину: у семьи Чэнь совсем не осталось денег, а её саму растили в этом доме исключительно как невесту для младшего сына.

Но, как на зло, за несколько дней до торжества, когда ей разрешили выйти на рынок за сладостями и семечками, она случайно встретила Цинь Вэя.

Прошло двадцать лет с тех пор, как он покинул родной дом, и они почти не виделись.

Но Цинь Вэй узнал её мгновенно.

Они укрылись в тихом безлюдном переулке. Мужчина от волнения не мог связать и пары слов.

Он приехал в город на заработки лишь ради того, чтобы хоть раз увидеть Сухэ и узнать, всё ли у неё в порядке.

В тот день стояла изнуряющая жара, а надоедливый стрекот цикад давил на уши.

Но им двоим, стоявшим в тени раскидистой ивы, было на удивление спокойно.

Сухэ хотела рассказать так много, но в итоге лишь спросила о родных.

А затем тихо добавила, что выходит замуж.

Губы Цинь Вэя дрогнули. Он с трудом проглотил слова, которые едва не сорвались с языка.

Ближе к вечеру они молча расстались. Цинь Вэй вернулся в мастерскую, где работал, а Сухэ — в дом семьи Чэнь.

Наступил день перед свадьбой.

Сухэ встала на самом рассвете. Она взобралась на табуретку у входа, чтобы наклеить праздничные иероглифы и развесить фонари.

Она тщательно разглаживала на дверях вырезанные своими руками знаки «счастья», проверяя,

крепко ли они держатся.

Утренний ветерок, пахнувший свежей росой, нежно касался её лица, раскачивая алые кисточки на фонарях.

Вдруг над улицей поплыл пронзительный, надрывный звук соны, резко ворвавшийся в привычный шум просыпающегося города.

Сухэ замерла и невольно обернулась.

По дороге медленно двигалась похоронная процессия. Впереди шёл человек с высоким знаменем, призывающим душу, за ним несли поминальную табличку и гроб.

Идущий во главе мужчина горстями разбрасывал белые ритуальные деньги, оглашая окрестности протяжным криком:

— Вэй-лан из семьи Цинь, доброго пути!

Бум!

Словно что-то взорвалось в голове Ван Сухэ.

Она оцепенело смотрела на тёмный гроб. В глазах поплыли чёрные круги, и она без чувств рухнула с табуретки прямо на землю.

Сухэ пришла в себя лишь через три дня.

В тусклой камерке рядом с ней с мрачным лицом сидела Мать Чэнь. Чэнь Гуанцзун нигде не было видно.

Заметив, что невестка открыла глаза, старуха не проявила ни капли радости.

— Гуанцзун сбежал, — процедила она. — Это всё твоя вина. Свадьбу я перенесла на послезавтра. Раз уж не подошла, значит, остаёшься женой семьи Чэнь. Будешь сидеть здесь и ждать его возвращения.

Сухэ не проронила ни слова.

Позже она узнала, что в тот день Чэнь Гуанцзун выследил её и видел встречу с Цинь Вэем.

Желая любым способом сорвать свадьбу, он тут же донёс об этом матери.

Парень надеялся, что старуха в ярости выгонит Сухэ вон, но просчитался. Мать Чэня тайком наняла людей, которые до полусмерти избили Цинь Вэя и, пригрозив больше не соватся к девушке, бросили его на окраине.

Раны бедняги были слишком тяжелы. Хозяин лавки, опасаясь проблем с властями, выставил его за дверь, не оказав никакой помощи. Вскоре мужчина скончался. Его тело подобрали на мостовой и отвезли в Общественный морг.

А Чэнь Гуанцзун, поняв, что его план провалился, дождался, пока Сухэ лишится чувств, собрал все семейные сбережения и под покровом ночи навсегда покинул город.

Спустя два дня в доме всё же справили свадьбу.

Старуха связала Сухэ по рукам и ногам и заставила её совершить обряд поклонения с живым петухом вместо жениха.

С того самого дня Ван Сухэ оказалась в вечном заточении. Вместе с Матерью Чэня она коротала дни в пустеющем поместье, год за годом дожидаясь возвращения беглого мужа.

Она ждала, пока не отошла в мир иной старуха, пока её собственные косы не побелели как первый снег, пока высокий деревянный порог не стёрся до зеркального блеска от её частых хождений — но Чэнь Гуанцзун так и не появился.

Он не вернулся никогда.

В тот последний день Сухэ снова достала своё старое венчальное платье. Ярко-красный шёлк удивительным образом сохранил свой цвет, оставшись таким же сочным, как и десятилетия назад.

Она устроилась перед потемневшим бронзовым зеркалом, бережно расчесала редкие седые пряди, уложила их в аккуратный пучок и заколола серебряной шпилькой.

Она старательно припудрила лицо, нанесла румяна и, взяв красное покрывало, расшитое жемчугом, скрыла под ним изрезанное морщинами лицо.

Старуха вынесла во двор старый стул и, пошатываясь от слабости, опустилась на него.

Солнце стояло в зените, паля нещадно. В голове звенело от жары.

Но Ван Сухэ улыбалась.

Перед глазами всё застилало алым маревом. Из этой пелены вдруг выступил статный смуглокожий юноша. Он широко шагал ей навстречу, неся на коромысле вёдра с водой.

На его лице играла открытая улыбка. Чистая колодезная вода выплёскивалась через край, приятно холодя её стопы.

Этот холод заставил её позабыть о зное. Ей почудилось, что она снова оказалась в том далёком лете, когда ей было всего пять лет.

Молодой человек подошёл вплотную, остановился и ласково протянул ей руку.

— Сухэ, я немного задержался, — произнёс он. — Пойдём домой.

Губы Ван Сухэ тронула едва заметная улыбка, и она с лёгким сердцем закрыла глаза.

Знойный ветер пронёсся над безмолвным двориком, донося с улицы звонкие, как колокольчики, голоса детей:

Колос в поле созревает,

Муж пелёнки всё мараает.

Вырос муж, а дева — нет,

Стала старою для бед.

Ждёт невеста у окна,

В доме пусто, лишь она.

Замуж выйти не судьба,

Век в слезах пройдёт вдова.

<http://bllate.org/book/13453/1691394>